

должно быть истинно, и никогда не долженъ онъ давать поводъ къ возбужденію къ себѣ подозрѣнія въ лести“ (стр. 121). Автору мудреной книги не нравится такой взглядъ, а я всегда уважалъ его, какъ высокій идеалъ историка, и если самъ въ своихъ историческихъ трудахъ, быть можетъ, не былъ всегда ему вѣренъ, то это по общему недостатку духовной природы человѣка—стремиться къ высокимъ идеаламъ и никогда до нихъ не достигать. Само собою разумѣется, что идеалъ, поставленный Миллеромъ для историка, примѣнителенъ только къ человѣку, какъ къ историку, а никакъ не къ другимъ условіямъ его житейской дѣятельности, все равно какъ священникъ, одѣтый въ богослужебное облаченіе и совершающій литургію,—не тотъ человѣкъ, что внѣ исправленія этой обязанности: не окончивши извѣстныхъ молитвъ, онъ не смѣетъ покидать храма, хотя бы его собственный домъ былъ въ опасности отъ огня. Такъ точно историкъ въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ не долженъ смѣть произнести того, что, по совѣсти, считаетъ несогласнымъ съ истиною, хотя бы такъ нужнымъ казалось въ угоду государю, которому онъ присягалъ въ вѣрности, или въ честь страны, признаваемой отечествомъ. Авторъ „Исторіи русскаго самосознанія“, приведя слова Миллера, умышленно даетъ имъ иной смыслъ, и вслѣдъ затѣмъ произноситъ такое ядовитое восклицаніе: „Кто же, кромѣ нѣмца, могъ быть такимъ историкомъ и преемникомъ Миллера, т.-е. безъ отечества, безъ вѣры, безъ государя?!“ (121). Но Миллеръ сказалъ: историкъ долженъ казаться, а не сказалъ: долженъ быть; казаться же и быть—двѣ вещи разныя! Недобросовѣстно со стороны автора „Исторіи русскаго самосознанія“ такое извращеніе чужихъ словъ.

Впрочемъ, противникъ мой признаетъ за мной вину не въ томъ, чтобъ я, ради исторической истины, не хотѣлъ произносить похвалы властямъ, а за то, что встрѣчаетъ похвалы такія у меня. Вотъ, по истинѣ, странное и дикое отношеніе къ наукѣ! У противника моего есть еще выходки забавнѣе и курьезнѣе этихъ. Въ моемъ сочиненіи: „Очеркъ торговли московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ“, я изобразилъ „мрачными красками“, какъ выражается авторъ книги съ мудренымъ заглавіемъ, скудость и забитость русской торговли, а въ моей „Исторіи въ жизнеописаніяхъ“ описываю необыкновенное развитіе хозяйства и даже изобрѣтательность въ Соловецкомъ монастырѣ во время игуменства Филиппа Колычева, впослѣдствіи знаменитаго митрополита. Мнѣ кажется, здѣсь авторъ книги о русскомъ самосознаніи хочетъ такъ-себѣ только придратъсь ко мнѣ и написать то, чего самъ не думаетъ. По крайней мѣрѣ, не хотѣлось бы въ немъ признать такого тушицу, который не въ состояніи понять, что нѣтъ ничего общаго между состояніемъ русскаго купечества, торговавшаго